

Попов Николай Александрович

канд. ист. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»

г. Астрахань, Астраханская область

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ МЕТОДОВ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ (60–70-Е ГГ. XX ВЕКА)

Аннотация: в статье намечены некоторые аспекты взаимоотношений проблем в историко-психологическом синтезе в 60–70-е годы XX века. Эти годы стали периодом в отечественной историографии поисков тематики, методики, источников, где необходимы и возможны психологические методы; они стали десятилетиями возрождения исторической психологии. Неверным было бы отрицать роль традиционной советской историографии, стремившейся в своих ограниченных рамках исследовать новые подходы. Эти факторы стали базой для более детального изучения исторического прошлого в 80–90-е годы XX века.

Ключевые слова: исторические методы, синтез, источниковедение, психология, мировоззрение.

Актуализация социально-психологических концепций в отечественной историографии обусловила и повышенный интерес к исследованиям прошлых десятилетий, их переосмысления с точки зрения новых подходов. «Одиссей», обращаясь к опыту советской историографии, пишет: «неверно было бы умолчать и о тех поисках сближения исторической и психологической науки, о которых мы не переставали размышлять» [15, с. 3.]. В данной статье мы пытаемся проследить процесс возрождения в 60–70-е гг. XX века историко-психологического синтеза, выделив источниковедческие аспекты.

Проблематика историко-психологического синтеза успешно разрабатывалась учеными Западной Европы и Америки. В 90-е годы опубликованы труды Л. Февра, Ж. Дюби, Ф. Арьеса, Э. Фромма и т. д. Отметим и негативную сторону

знакомства с этими исследованиями: стали более обращаться к трудам западных историков, оставляя без внимания труды отечественной историографии.

Как и в любой другой отрасли знаний, пытливый исследователь может найти массу литературы по смежным наукам, содержащей сведения, полезные для исторической психологии, так как поле ее интересов предполагает очень большое число связей с другими науками. Это затрудняет определение места и предмета исторической психологии и дает повод относить ее к междисциплинарным наукам. Определить весь круг сопредельной литературы невозможно. Это данные широкого спектра наук: истории, этнографии, социологии и других. Это осложняет исследования по истории становления исторической психологии. Это вызывает и некоторую озабоченность: все большая дифференциация научных дисциплин не сопровождается адекватной их теоретической, методической проработкой и осмыслением.

Отметим тот факт, что научная разработка данного синтеза стала результатом усилий видных отечественных историков – Б.Ф. Поршнева, А.Я. Гуревича, С.О. Шмидта и др., а не сформировавшегося научного сообщества. Интерес к психологическим аспектам стимулировался «потеплением» общественно-политического климата, следствием которого стала нарастающая волна внимания к ценностным ориентациям личности в литературе, поэзии, искусстве. Наглядно демонстрировалась мысль М. Блока о глубокой взаимосвязи исторического познания с современностью, в данном случае, с общей гуманизацией общественных процессов. Примерами могут служить дискуссии в исторических изданиях о личности Ивана IV, о соотношении общественного и биологического в проблеме происхождения человека и т. д.

В 30–50-е годы советские историки допустили преувеличение весомости таких высказываний Ф. Энгельса, как «труд создал человека», «труд» начинается с изготовления вещей», то есть труд выступал как первоначальная субстанция без синхронного развития психических и социальных начал. Поршнев отметил застывшую форму такого подхода: «Соответствующий центр тяжести данной концепции лежит не столько в положительной конкретной разработке перехода от

обезъяны к человеку, сколько в отстаивании тезиса о недопустимости искать эти переходные явления и процессы после указанной границы – после появления первых искусственно изготовленных орудий». Круг проблем, связанных с возникновением чисто человеческих отношений, ученый рассматривал через процессы суггестии и контрсуггестии. Свои методы он применил в труде «О начале человеческой истории», вышедший из печати уже после смерти историка. Исследователь переводит взгляд на новые отношения между индивидуумами, в них ведет поиск истинно человеческих отношений и главное – изучает влияние на формирование человека второй сигнальной системы и речи. «Возникновение понятийного мышления, по мнению Поршнева, невозможно объяснить в плане прямолинейного эволюционного усложнения между организмом и средой. Его истоки лежат в новых отношениях между индивидами. Речь возникла, прежде всего, как проявление и средство формирующихся общественных отношений – средство людей воздействовать друг на друга» [13, с. 330].

Как бы ни смотрели на это другие исследователи, сам автор считал, что именно положения этой книги выражает наиболее глубокий, наиболее важный для него самого слой научного мышления – основу его мировоззрения. Эту область автор называет «проблемы палеопсихологии». Разработке проблем, связанных с этой новой отраслью знания, Б.Ф. Поршнев отдал много сил. Но случилось так, что это фундаментальное исследование, над которым он работал почти 25 лет, не увидело света при жизни автора. Донести его до читателя взялась группа ученых, предпославших к книге настоящее предисловие и внесших ряд подстрочных примечаний к тексту работы.

В работе Б.Ф. Поршнева имеется немало спорных утверждений. Читатель с самого начала должен быть готов к критическому восприятию оригинального исследования. Как это нередко бывает в научном творчестве, автор, увлекшись новой и очень важной гипотезой, проявляет порой склонность к чрезмерной абсолютизации той или иной идеи, к превращению ее в исходную, решающую в понимании рассматриваемого круга вопросов. Такой абсолютизации подверг-

лась в книге идея о речи-сознании в процессе происхождения человека. В сложнейшем процессе формирования человека Б.Ф. Поршнев подчеркивает особую роль второй сигнальной системы – человеческой речи в возникновении и развитии общества, высказывая по этому вопросу много интересных и своеобразных идей.

При чтении книги может сложиться впечатление, что автор, особо выделяя роль речи в становлении человека, оставляет в тени факторы, которые обусловили ее возникновение и развитие. Нужно сказать, что Б.Ф. Поршнев дает для этого некоторый повод отдельными попытками ограничить значение процесса создания и употребления элементарных орудий труда в процессе становления человека.

Эти и другие подобные положения не означают, что Б.Ф. Поршнев отвергал трудовую теорию возникновения человека, человеческого сознания и речи. Напротив, он был охвачен желанием углубить и уточнить эту теорию. Ему было ясно, что при упрощенном толковании мысли, согласно которой труд порождает сознание, возникает порочный круг, ибо человеческий труд всегда является целеполагающей, разумной деятельностью. Вот почему Б.Ф. Поршнев старается вскрыть смысл и значение высказываний Маркса и Энгельса об «инстинктивном труде», показать, каким образом этот «инстинктивный труд» в своем развитии превращался в человеческий труд, стал осмысленной человеческой деятельностью. На многих страницах книги Б.Ф. Поршнев, используя новейшие научные данные, пытается развить и конкретизировать мысли Энгельса о происхождении человека и человеческого общества.

В январе 1964 года на заседании Секции общественных наук АН СССР Б.Ф. Поршнев в докладе выразил сожаление по поводу игнорирования зарубежного опыта, пренебрежительного отношения историков к таким понятиям, как «генетическая психология», «историческая психология» [10, с. 155–156].

Работой, прямо поставившей задачу применения психологических методов в исторических изысканиях, стала «Социальная психология и история»

Б.Ф. Поршнева [13]. Тематика ее обширна – «ленинская наука революции и социальная психология», «общность и индивид», «всемирная история и социальная психология». Автор выделяет, по его мнению, наиболее важные обоснования исторической природы психики, трактует связь психических факторов и культурных феноменов «как осознанных социально-психических процессов», выделяя в культуре два признака – развитие науки и техники и любое явление искусства, религии и морали», которое, переплетаясь с эмоциональной сферой, раскрывает новые перспективы для исторического познания. Исследования Б.Ф. Поршнева сыграли заметную роль в попытках определить историческую тематику для психологических методов.

Работа историков 60-х гг. характерна поиском источников и методик, раскрывающих объективную и субъективную картину прошлого. Этому посвящена статья С.О. Шмидта «Современные проблемы источниковедения», где автор в числе других отметил проблему взаимоотношения психологии и источниковедения, предлагая источниковеду: «освоить современные источнику систему коммуникаций», учитывая объективные и субъективные связи создателя источника и ученого, анализирующего данный источник. Диалоговый контекст культурных детерминант просматривается в более поздней статье ученого «Дьяки в России во второй половине XVI веке», написанной для сборника памяти Р. Мандру, в которой исследователь показывает роль дьяков в формировании официальной идеологии русской аристократии и их влияние на эволюцию общественного сознания [18, р. 551–560.]. Видимо, можно отметить основное значение статьи 1969 года в четкой постановке источниковедческих задач и методик их решения в историко-психологическом синтезе.

В этой же связи, выделяя семиотические символы языка и искусства, варварские «Правды», песни скальдов, поместные описи и другие источники средневековья, А.Я. Гуревич признает: «Эта попытка имеет значение самой общей и сугубо предварительной разведки с целью выяснения в дальнейшем соответствующих исследовательских методик» [4, с. 393]. Историк тщательно «социализирует» комплексы источников, находя аспекты массового сознания «обходными

путями», исходя из того, что данный источник – звено в более обширном «стиле мышления» цивилизаций прошлого. Особенность метода историка – в категориальной расчлененности психической деятельности обществ средневековья, в которой: «Во-первых, это социальный характер, общественные обычаи, традиции, образующие в совокупности психический склад социальной группы, сравнительно устойчивый и изменяющийся лишь постепенно. Во-вторых, общественная психология имеет более изменчивую и подвижную сторону – эмоциональную, к которой относят социальные настроения и чувства, непосредственно связанные с актуальными интересами и потребностями социальной группы» [5, с. 189–199].

Опыт зарубежных историков и психологов показал бесперспективность попыток отмежеваться от достижений одной из дисциплин. Видимо, это и стало одной из причин издания в 1971 году сборника – результата усилий историков и психологов, стремившихся нашупать области предметного взаимодействия. Он расширил представление о возможности анализа психовопросов в историческом разрезе. Гуревич исследует эволюцию в мышлении средневекового человека во временной ориентации. В.Д. Парыгин, справедливо отмечая, что за пределы дилеммы «оптимизм-пессимизм» социально-психологический анализ исторических эпох выходит довольно редко, предлагает для научной разработки другие структуры умонастроения – сомнение, отрицание, утверждение [10, с. 189–199]. Выделение структур продолжил и Б.А. Ерунов, устанавливающий место и роль категории мнение в сознании людей [10, с. 106–122].

Расширение тематики происходит за счет привлечения материала по истории России, психологические слои которой ранее не были предметом исследований. И. Мейерсон отмечал «Психолог имеет дело не с абстрактным человеком, но с человеком определенной страны и эпохи, находящимся в своем социальном и культурном контексте, и рассматривает его в связях с другими людьми, равно как страной, и эпохой... Историческая психология изучает психические функции

и их изменения посредством анализа творений, которые человек постоянно создает и переделывает – язык, социальные институты, религия и мифы, техника, наука и искусство» [1, с. 115].

Попытка отмечена двумя статьями и оба автора сетуют на то, что «духовная жизнь народных масс России освещена в нашей литературе еще далеко недостаточно». Б.Г. Литвак на основе анализа источников крестьянских выступлений обосновывает изменения крестьянской освободительной психологии после пугачевского восстания: «вырождается и исчезает самозванство, усиливается процесс переосмыслиния привычных основ феодальной идеологии, выявляется их несовместимость с крестьянским сознанием» [10, с. 200]. Г.Л. Соболев выделил субъективные аспекты различных письменных источников, но недостаточно ясными остались вопросы их научной обработки [14].

Обозревая исследования 60–70-х годов, обратим внимание, что категории «психология», «сознание», «мировоззрение» и т. п. часто становились объектом внимания советских историков, но при этом картина прошлого не выходит из рамок потребностей правящей партии. Популярными были проблемы «классовой» психологии крестьянства, аспекты «революционирования» их сознания, «перековки и принятия социалистического образа жизни», «культурной революции». Назовем этот первый блок исследований условно «классовым» [2; 3].

Второй раздел традиционной историографии – «психологическая лениниана». Возможно, здесь необходимо отметить позитивные факторы для синтеза историко-психологических методик. Многое зависит и от позиции исследователя. «Бессознательность», «покорность», «стихийность» – эти и другие понятия были предметом размышлений Ленина около трех десятилетий [16; 17].

Б.Ф. Поршнев указывал на необходимость через традиционную тему проектировать путь новым подходам: «если ленинская теория революции помогает науке о социальной психологии охватить взором многие из ее жизненных задач, дальнейший путь состоит не в механическом перенесении ленинских наблюдений в новые исторические условия» [14, с. 72].

Последний раздел – «субъективное источниковедение» – связан с выделением исследователем источников, несущих субъективную информацию – мемуаров, дневников, писем. Научная обработка зависела здесь и от «допустимости» материала – воспоминаний о гражданской и Великой Отечественной войн, годах пятилеток и т. п.

Все эти изменяющиеся параметры искусства являются знаком не только внутрихудожественной эволюции, но и зеркалом перемен, происходящих в самом человеке, его самосознании и самочувствии. Нельзя игнорировать и то, что особые исторические обстоятельства, состояния человека по-своему отразились в развитии языка и образного строя искусства, в приоритетном развитии его видов и жанров, в особом виде драматизма, во взаимодействии вечного и прходящего. По этой причине перечисленные и другие параметры разных предметов искусства можно принимать как исторические источники реконструкции эволюционирующих психологических структур внутреннего мира человека.

Психологический фактор – не единственный, стимулирующий эволюцию исторической науки, имеющей точки соприкосновения со многими научными дисциплинами. Тем не менее, психологическое измерение, историзма, как и историческое обоснование психического, способны пролить свет на важнейшие этапы прошлого человечества, движения приоритетов его жизни, характер восприятия и мышления.

В современной исторической науке социально-психическому отводится доминирующая роль как фактору, дающему возможность: осмыслить весь комплекс социокультурных явлений данной эпохи в их постоянном взаимодействии и как одну из составных частей сложной и динамичной системы; охарактеризовать общество в каждую эпоху как связную систему – конкретную культуру, выражющую себя только присущими ей оттенками и категориальным аппаратом.

Список литературы

1. Белявский И.Г. Проблемы исторической психологии / И.Г. Белявский, В.А. Шкуратов. – Ростов н/Д. – 1983.

-
2. Горбунов О.В. Методологические предпосылки изучения классовой психологии пролетариата. – М., 1971.
 3. Шаронов В.В. Психология класса: Проблема методологии исследований. – Л., 1975.
 4. Гуревич А.Я. Некоторые вопросы изучения социальной истории (общественно-историческая психология) // Вопросы истории. – 1964. – №10. – С. 393.
 5. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – М., 1984.
 6. Горбунов О.В. Методологические предпосылки изучения классовой психологии пролетариата. – М., 1971.
 7. Шаронов В.В. Психология класса: Проблема методологии исследований. – Л., 1975.
 8. Из истории партизанского движения в Белоруссии (1941–1944): Сб. воспоминаний. Минск, 1961.
 9. Курносов А.А. Приемы внутренней критики мемуаров // Источниковедение: Теоретические и методические проблемы.
 10. История и социология. – М., 1964.
 11. История и психология: Сб. статей. – М., 1971.
 12. Состояние пограничных проблем биологических и общественно-исторических наук // Вопросы философии. – М., 1962. – №5.
 13. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории. – М., 1974.
 14. Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история.
 15. Одиссей. Человек в истории. – М., 1991. – С. 3.
 16. Тютюкин С.В. К творческой истории статьи В.И. Ленина «О национальной гордости великороссов» // Теоретические и методические проблемы. – С. 339–364.
 17. Твердохлеб А.А. В.И. Ленин о социальной психологии рабочего класса в послеоктябрьский период // В.И. Ленин и некоторые вопросы изменения социальной структуры советского общества в переходный период. – М., 1973. – С. 122–142.
 18. S.O. Schmidt (Academie de Moscou), Les Diaks dans la Russie de la seconde moitie du XVII siecle // Histoire sociale, sensibilites collectives et mentalites. Melanges Robert M. – P. 551–560.